

Ольга Константиновна ЛАГУНОВА¹
Виктория Валерьевна МАРКОВА²

УДК 82.09(571.121)

**ФИЗИЧЕСКАЯ НЕНОРМА КАК МЕРА
ПРИРОДНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА
В ПОВЕСТЯХ НЕНЕЦКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ А. П. НЕРКАГИ
(К СПЕЦИФИКЕ ЭТНОТЕРПЕНИЯ)**

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
eleshenska@yandex.ru

² кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

Аннотация

В статье впервые системно описывается феномен отклонения от физической нормы в четырех повестях русскоязычного ненецкого прозаика Анны Неркаги. Предмет изображения рассматривается в работе со следующих позиций: 1) как элемент онтологичности мышления выдающегося представителя коренных малочисленных народов России; 2) как инструмент испытания и восстановления нормы/порядка; 3) как механизм, связанный с опорой ненецкой словесности на культуру синкретической и традиционалистской стадий развития искусства слова.

В статье авторами обозначаются проблемно-тематические аналоги феномена ненормы в региональном контексте, выступающие косвенными и прямыми импульсами по отношению к прозе Неркаги или в качестве ближнего сопоставительного материала для нее. Системность описания позволяет увидеть различие вариантов изображения

Цитирование: Лагунова О. К. Физическая ненорма как мера природного и социального порядка в повестях ненецкой писательницы А. П. Неркаги (к специфике этнотерпения) / О. К. Лагунова, В. В. Маркова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 61-78. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

этнотерпения в национальных культурах России и на этой основе отрефлексировать их специфику в гуманитарной понятийной линейке.

Статья выполнена в рамках Года культурного наследия народов России и является продолжением комплексного изучения прозы А. Неркаги, неоднократного номинанта на Нобелевскую премию по литературе. Это изучение было начато коллективной монографией о ней и трехтомным изданием прозы писателя 1970-х — 2010-х гг. с научными комментариями. Анна Неркаги выступает в миссии посвященного в тайны бытия своего народа и говорит от его имени. Сюжет в ее повестях, отражая кругозор автора, способствует проявленности самовосстановления героя, бытийной нормы в нем. Она же базируется на природно-языческом начале, составляющем судьбу персонажа и обеспечивающем равность его своей судьбе и месту в этносе.

Ключевые слова

Малочисленные коренные народы России, ненецкая литература, Анна Неркаги, ненорма, порядок, онтология, историческая поэтика.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

Введение

В русском толковании терпение связано не только с определенным качеством внутреннего и внешнего состояния, но и с наличием границы, за чертой которой это состояние исчерпывается, уничтожается («лопается») [15, с. 784]. Оно имеет свою меру и сверхмеру, доступную разве что высшей силе и ее носителям (например, Христос). В антропологической сфере терпение сопрягается с иными, но схожими качествами (настойчивость, стойкость, упорство, выдержка, безропотность, смирение и др.), а также наличием особых условий (страдание, боль, неудобства, неприятность, тяжесть, крушение, бедствие, поражение, беспокойство и др.). Всё это обозначается специалистами при толковании данной лексемы и в рамках ее лексического гнезда.

Сравнительный анализ произведений разных национальных литератур [3, 5] дает возможность исследовать не только бытовые проявления этики отношения к отклонению от физической и психической нормы в людях, но выйти и к различиям национальной ментальности, к различию отношения к уродству как самого носителя изъяна, так и социальной среды.

Широкий и разнообразный материал для осмысления феномена дает художественная практика русскоязычных писателей малочисленных народов, где посредник с русским переводческим самосознанием не востребован.

Тундровая ненка Анна Неркаги — одна из фигур этого ряда. Ее тексты переведены на английский и испанский языки, она дважды номинировалась на Нобелевскую премию по литературе. Синкретичность и традиционалистичность поэтики ее прозы, а также соотнесенность компонентов христианского мироощущения с языческими основаниями авторского ценностного кругозора по-

зволюют показать особое качество терпения как нормы этнической жизни, как ожидание возвращения порядка, изначально данного природой и поддерживаемого человеком внутри традиции. Здесь вера в порядок мыслится как внеиндивидуальное испытание, и потому именно христианский компонент (повесть «Молчащий» [13]) вводит терпение в качестве рефлексивной категории, хотя и до этого ее наличие сюжетно и персонажно прорабатывается автором (повести «Анико из рода Ного», «Илир» [13], «Белый ягель»).

Терпение — это проявление индивида и окружающих к испытанию. У Неркаги это изображается в сюжетах физической аномалии героя, его телесной аномальности. Аналитика телесности в последние десятилетия переживает подъем, который отчасти связан с кризисом социальных характеристик субъектов. Связка здоровье/болезнь (норма/отклонение) пронизывает различные этажи словесной культуры и на каждом из них имеет свое особое качество (мифологическое/фольклорное/литературное). В пределах религиозных различий срабатывает дополнительное различающее наложение (языческое/христианское/иудейское/буддистское). Испытание духа инвалидностью стало ракурсом рефлексии и в сфере художественно-эстетической. В этой связи показательны хронологические рамки существования газеты «Русский инвалид» в России. Столичная газета появилась в 1813 г., т. е. по результатам победоносной для страны Отечественной войны, а закончила бытование в 1917 г., т. е. во время Первой мировой войны, в условиях радикального государственного кризиса. Тематически и целево хронология выявляет здесь историческое наполнение жизни в ее массовом разрезе, что сегодня получает методологию гуманитарной рефлексии [21, 22].

Русские же литераторы, как известно, были убеждены, что именно духовное нездоровье порождает страдания тела. Неслучайно военный и писатель М. Ю. Лермонтов в письме родственнице на смеси французского и русского языков замечал, что страдания тела происходят от болезней души, и советовал ей быть «внутренне покойной», следовательно, здоровой [9, с. 388]. Так работала христианская стандартная формула антропологического двуединства духа и тела при доминировании вечной жизни духа и ограниченности земной телесной оболочки.

Вторая мировая война обострила, но не отменила для российской империи это двуединство, хотя в условиях «советской цивилизации» зримо акцентировался телесный элемент. Это прослеживается, например, в центральном монологе пьесы «Вечно живые» В. С. Розова [20, с. 44]. Христианский пафос ясно формулировался в дни самой войны Б. Л. Пастернаком (см., например, стихотворение «Смерть сапера» [16, с. 45]). Более того, в ранних редакциях этот текст насыщался автором открытой антитезой духа и тела [16, с. 283] (см. также [7, с. 92-93]). Отечественность испытания создавала органику целостности антропологического единства души и тела у людей христианского сознания различных социальных слоев, подлинности героизма, невозможного без самопожертвования (см., например, стихотворение А. Межирова «Музыка» [11]).

Региональные сектора литературы страны что в стихотворном, что в прозаическом варианте схватывали данный мотивно-тематический настрой общенациональной культуры. В частности, это показательно и для тюменских литераторов. Напомним, что в Тюмени работало в период войны восемь госпиталей. В романе «Так было» (1960-1966) К. Я. Лагунова между Андреем и Полиной обозначается проблема невозможности продолжения рода вследствие военной контузии героя [8, с. 308]. Важной в романе является сцена обсуждения на собрании инвалидов строительства двухэтажной школы для детей в поселке. Бывший комиссар поселка Рыбаков сообщает, что в райцентре проживает «почти триста инвалидов», но и на третьем году войны «наш долг помогать фронтовикам» [8, с. 313]. В финале романа автор дает монолог-совет умудренного руководителя (обращенный к младшему, но тоже уже руководителю) не отрываться от родной земли, отдать ей свое сердце [8, с. 400]. Закономерно, что, аналогично бывшему духовному наставнику в литературе и жизни К. Я. Лагунову, тундровая ненка А. Неркаги в своей поздней этнопедагогике, обращенной к детям-сиротам своего народа, будет апеллировать к исходности для человека родной земли: «Я увожу детей далеко в тундру Полярного Урала и говорю им: “Бегайте по полянам — чтобы земля слышала, как вы смеетесь! Земля ждала вас — бегайте! Бегайте по ней кругами — она чувствует на себе ваши ноги”» [5, с. 28]. И не случайно лирический субъект одного из послевоенных поэтов Тюмени объединил в известной формуле чувства свои с персонажем-инвалидом: «Мы мир, мы мир удержим / Хотя б одной рукой!» [6, с. 216-217].

В середине 1970-х гг. ненецкий писатель Иван Истомина, сам инвалид с детства, выпустит роман «Живун» о мальчике-инвалиде Ильке, который станет важным событием в литературе Тюменского региона, ведь автор уже давно проживал и работал в областном центре. Этот духовно-тематический контекст обозначил как особенную тему тела у Анны Неркаги.

Одно из мудрых изречений ненцев гласит: «Глаза у него ушли вовнутрь лица, на расстояние долгого крика». Так описывают людей, принявших страдания, тяжелобольных. «Нормальные» люди таких не прогоняли, помогали, чем могли, ни о чем не расспрашивали «страдавших». «Подруга» Страдания — Скорбь, но та Скорбь, в уголках губ которой живет не умирающая никогда величественная Надежда» [14, с. 87].

Методы

Авторы статьи методологически ориентированы на достижения отечественной исторической поэтики и этнофилологический подход к осмыслению литературных явлений. Понимание словесной культуры в полиэтнической России как сложного разнофазового комплекса пока не стало методологической нормой филологического мышления. Встраивание в нее, то есть в норму, различных проблемно-тематических феноменов (таких как нарушение физического порядка), характерных не только для литературных, но и, например, музыкальных произведений (опера, балет), способно при накоплении аналитического мате-

риала создать перспективные креативные связки интермедиальных, культурологических, историко-генетических и этнофилологических технологий анализа эстетических явлений страны и континента.

Результаты и обсуждение

Крик — не свойственная в повседневной жизни угорских и самодийских народов форма выражения сильной эмоции. Крик может сопровождать определенные ритуальные действия. Например, когда ворожей завершает «путешествие» к духам, он «бросает бубен, выходит из экстаза и присутствующие кричат: «тьи! тьи! тьи! (Да!)» [10, с. 121]. В начале сеанса «самоеды, подлаживаясь под звуки бубна, кричат сперва тихо, а затем более громкими голосами гой, гой, гой!» [10, с. 122], уговаривая духов помочь им. В этом ритуале, сочетающем шепоты шамана и крики присутствующих, оказываются рядом и скорбь, и надежда.

Крик может быть следствием-реакцией на невероятного масштаба катастрофу, которая, например, обрушилась на семью Матери Детей в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [1]. Потеря дочери вызвала такой у матери такой дикий крик, что от него «треснули льды и снега болота. Треснуло небо. Треснуло солнце. Всё вокруг покрылось трещинами» [1, с. 73]. Этот крик переходил в «жуткий вой», «расшатывал, казалось, всё мироздание. Всё рушилось. Всё рассыпалось. Казалось, подступал конец Мира, человечества, остяцкого народа» [1, с. 73]. Надежду Матери на то, что аэроплан не будет убивать детей, поглотила великая Скорбь. В приведенном выше изречении ненецкого народа в одном ряду крик, потери, страдания, боль. «Долгий крик» не обязательно должен иметь звуковое выражение. «Долгий крик» — это взгляд, жест, телодвижение, выражение лица.

Образ Хона

Первое представление Хона в повести Неркаги «Илир» фиксирует его физическую немощь: тонкие высохшие ножки, горб, худенькие кулачки, передвижение на четвереньках. Описание вызывает скорбь, которую приглушает надежда: «маленький Хон смотрел на небо и землю <...> губы тихо шевелились, будто мальчик еле слышно пел песню надежды или говорил с Яминей» [13, с. 123]. Физическая неполноценность мальчика часто подмечается его отцом, который тоже ощущает себя ущербным, обделенным: у него нет достойного здорового наследника. Потому всё нездоровое, искалеченное в ребенке раздражает, мотивирует обиду, агрессию, в которую лишь изредка пробиваются жалость и сочувствие. В поле зрения отца часто попадают два ребенка: здоровый, крепкий, красивый Илир и хилый, немощный Хон. Один выглядел маленьким мужчиной, другой калека, урод, «не будущий мужчина», не будущий хозяин оленьих стад.

Указание в тексте на то, что Хон равнодушно относился к своей немощи, корректировалось замечаниями о желании и надежде мальчика измениться. Он уповал на солнце и его тепло, на доктора, которого привезет красная нарта. По-

нимание, что это чудо не произойдет, стало основанием веры в другое чудо. Ограниченность общения, перемещения, отсутствие должной заботы и любви со стороны близких сформировали в сознании ребенка убежденность в том, что где-то должен быть особый мир, где его поймут и примут таким, какой он есть, где его полюбят и оградят от невнимания и злобы. Болезнь дала понять этот мир рядом. Это Земля, по которой он ползал. Вид травинку, которую гнет к земле ветер он ассоциирует с собой: «Такая же, как я... Похожих на себя я могу найти только внизу, на Земле. Я и Земля — едины...» [13, с. 163]. Мальчик сравнивается с хрупким и беззащитным, редко встречающимся горным цветком, который растет среди камней в одиночестве. Ребенок не разрушает себя размышлениями о своей болезни, о том, как ему тяжело в мире здоровых людей. Найдя свой мир, где нет людей, он сам себя спасает от одиночества и нелюбви, от жестокости отца к нему, Илиру, Грехами Живущему, от неприязни матери.

Ребенок даже находит преимущества своей жизни, данные ему инвалидностью: только такие, как он, могут оценить и понять всю красоту природного мира. У каждого из обитателей «маленьких озер» «поставлен невидимый для человека чумик», где живут дети и старики. Не случайно Хон замечает, что никто не видит и не знает того, что ведомо ему. Тем самым он конструирует свою особую, овеванную тайной, реальность, в которую он, но никто другой, хочет и может переместиться: надо только превратиться в паучка или жучка. Это превращение может освободить его от беспомощных ног, слабых рук, разрывающем кашле. И вот он уже представляет, как поднимается над постелью и «выскользнув в верхнее отверстие чума, парит в синеве» [13, с. 202, 203]. Мечта о превращении Хона в жителя подводного мира имеет мифологическую основу. Превращение хаоса в космос «оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию» [12, с. 206].

Он находит силы посмотреть на себя со стороны, увидеть и понять, насколько он жалок и некрасив. Но, что важно, это расстраивает ребенка исключительно потому, что он не сможет защитить от злого отца Илира, собаку Грехами Живущего, что с этим ни на что непригодным телом ему надо будет жить дальше. И в искаленном теле постепенно просыпался протест против самых близких, который позволил мальчику, преодолевая страх, нарушая иерархию старший/младший, «твердо», «уверенно» сказать вслух родителям: «Вы злые. Очень злые» [13, с. 191].

Ребенок-инвалид острее здоровых людей реагирует на агрессию и несправедливость. Он, слабый, неспособный защитить себя, пытается защитить и помочь другим, рискуя быть наказанным. Потрясенный жестокостью отца и матери, не пожалевших его, инвалида, Хон думает не о себе, а об Илире, которого отец приносит в полумертвом состоянии. Без спроса, тайком взяв кусок мяса из котла, он отнес его сироте; собрав последние силы, воспользовавшись отсутствием отца, Хон предложил матери позвать к огню Илира; задыхаясь от кашля, он принес Илиру свой аркан. Покидая этот несправедливый мир, Хон призывал

Илира: «Уходи отсюда... Уходи. У тебя есть ноги. Ты можешь» [13, с. 212]. Эти тихо сказанные слова звучали как крик, в котором прочитывалось: если бы я не был калекой, я бы ушел.

Мечта, облегчающая уход Хона, уводила его в любимое озеро-лужицу, над которым стояли два «веселых» куста багульника. Лепестки цветов, падающие в воду, обеспечивали ее особый запах. Здесь, в этом маленьком озере, было уютно, тепло, спокойно: домики под листочком, добрые жучки, «умный» и «вежливый» сосед — усатый паучок. Мальчик был счастлив только в этом мире, где царил закон: «радуйся сам и радуй других» [13, с. 206]. Мечта о жизни без отца, жизни с отдающей теперь себя слабющему сыну матерью, жизни с дружной семьей подводного мира сопровождала последние земные дни Хона.

Крик, который мать удерживала, чтобы не потревожить умирающего сына, вырвался наружу, когда Хона не стало. На ее крик-воплъ не ответили ни Солнце, ни Небо, ни Земля, ни Яминя. Им не нужна была его смерть. Только потеряв сына, мать вспомнила, как сама относилась к его уродству: «Ни разу не утешила, не приласкала его, больше того, смотрела на мальчика с досадой и раздражением <...>. Много вспомнила женщина. И ужаснулась, и взвыла с отчаянием, потому что поняла: <...> ее материнское равнодушие, недовольство сыном ускорили его смерть» [13, с. 214]. Эти воспоминания возвращают к началу повествования, предоставляя еще раз родителей к ребенку-инвалиду, осознающему свое уродство, лишенному обычных детских забав. Крик-потеря матери в финале повести сливается с криком-болью Хона в начале повествования, когда отец наказал сына-инвалида.

Образ дочери Хасавы

В повести «Белый ягель» одна из героинь (дочь Хасавы) — инвалид от природы. В стойбище, в котором происходит действие, отец и «от роду немая» дочь появились неожиданно. Первая реакция девушки на встречу с незнакомыми — беспокойство и страх. Имя героини автором не названо, его, по сути, заменяет недуг — немая. Окружающие принимают ее спокойно, никак (ни раздражением, ни чрезмерным вниманием) не акцентируя ущербность девушки, достойно справляющейся с ролью хозяйки чума.

В тексте не раз подчеркивается внимание, с которым девушка вслушивалась в слова говорящих. Лишенная возможности отреагировать словом, она выражала свои эмоции (всегда экспрессивные) телодвижением, жестом, мимикой. Чаще всего повествователь выделяет выражение лица, движение рук, взгляд. Взгляд заплаканной дочери, сидящей у котла, в котором кипела только вода (еды не было), вызвал в обезумевшей от навалившейся беды Хасавы мысли о необходимости вернуться к нормальной прежней жизни. Ни обходившие стороной его чум люди, ни валяющаяся в какой-то рухляди дочь не могли остановить его падение. Лишь однажды пойманный ее взгляд, в котором были и голод, и жалость, взгляд, ударивший сильнее слов, дал понять, как он виноват перед всей своей семьей, «всей своей жизнью, перед оленями» [13, с. 83]. Когда после тя-

желейших двух лет к уже окрепшему Хасаве приехали сын и дочь, немая безудержно радовалась этой встрече и подаркам. Слушая разговор отца и приехавших гостей, требующих то, что им, якобы, принадлежит по закону, не понимающих, что олени — это не деньги, а братья по жизни, судьбе и горю, немая «широко раскрыла рот и глаза <...>. В глазах у нее стояли слезы» [13, с. 87]. Радость сменилась непониманием, тревогой, отчаянием. Важная деталь — «белые, сытые» лица брата и сестры, добывающих своими словами отца, а заодно и сестру, ничего не выражали. Неконтролируемые и произвольные («не замечая, что вытирает руки, перепачканные в золе о новое красное платье» [13, с. 87]; «вся насторожившись, подбадривала огонь дрожащими руками» [13, с. 88]; перед тем, как выйти на улицу, где Хасава убивал своих оленей, немая «дрожащими, но сильными руками разорвала прямо на себе, не снимая, свое новое платье и, мыча, бессильно бросила сестре и брату яркие куски ситца» [13, с. 89]) движения рук немой, передавая состояние девушки, демонстрировали, скорее, не неспособность ее к словесному выражению эмоций, а невозможность найти подходящие слова, чтобы остановить творимый братом и сестрой беспредел, упакованный в слова, бросаемые в лицо отцу: «должен», «закон», «обязан», «нужно», «деньги».

Когда Пэтко собрал людей стойбища, чтобы раздать бережно хранимое приданое дочери, которая, как он понял, не вернется, в его руках оказались суконные дорогие упряжки со старинными бубенцами, издающими чудесный «малиновый звон». Старый ненец, встретившись взглядом с «удивленными глазами» немой, понял: «кто другой, кроме нее, должен ночевать под радостный звон колоколов. Немая. Ей, обиженной богом или судьбой, только ей слышать до конца своих дней песни радости, которые не пожелала знать его родная дочь» [13, с. 99]. Жест старика — не проявление жалости к девушке, не желание ее подбодрить, поддержать, а убежденность, что она не предаст свою землю, не бросит отца, а будет жить как должно. «Удивленные неземной красотой» глаза девушки-сироты засветились необыкновенной радостью от подарков старика, которые она воспринимала и как утешение, и как возможность продолжать жить как надо. Глава, где описано, как Пэтко раздает приданое дочери, завершается сценой всеобщей, всех объединяющей радости, дающей силы жить дальше, убеждающей в том, что ничто в этом маленьком сообществе людей никому не даст пропасть, потеряться, стать сиротой. Немая, «забыв обо всем», сидела под тремя деревьями (в мифологии самодийских народов дерево символизирует животворящее начало), «прислонившись к их могучему стволу, то и дело тревожила колокола, и их несуетливый звон не раздражал людей» [13, с. 102].

Образ Хромого Дьявола

Инвалидность — это то состояние, которое может кардинально изменить или изначально направить по особому руслу жизнь любого существа, будь то человек или животное. В повести «Анико из рода Ного» одного из представителей природного мира (волка) фиксирует суть его физической ущербности — Хромой

Дьявол. Повествование начинается с истории о том, как здоровый, сильный зверь превратился в инвалида. Волк на протяжении повествования вспоминает, как случай разделил его жизнь на тогда, когда у него было всё (логово, волчица, волчата, стая), и теперь, где нет ничего, кроме одиночества и тоски по прежней жизни, кроме жажды отомстить людям за свое уродство и желания всё-таки хоть на исходе своих дней обрести счастье. Он знал счеты и законы мира, где жил, понимал, что теперь он, «больной», «слабый», «несчастный», своей «уродливой фигурой» не только «не внушал страх», но даже сильному ветру не всегда мог сопротивляться: «Три лапы — не четыре» [13, с. 309]. Волк осознавал, что он уродлив, но он продолжал любить жизнь, кровь, рассветы, темные ночи, своих волчат, логово. Ему хотелось доказать и себе, и другим, что «урод имеет такое же право на счастье, как все» [13, с. 387]. А пока этого счастья не было, были тоска и одиночество, о которых он иногда рассказывал всему миру. В минуты отчаяния волк начинал выть. Это был вой-обида, вой-плач, вой — крик о боли, вой — тоскливая угроза. В этом вое слышались и жажда любви, и страх смерти, и бешенство от запаха чужой волчицы и чужого счастья, от отчаяния, от собственной слабости и бессилия.

Хромой Дьявол понимал, что ему надо торопиться жить, чтобы успеть отомстить искалечившим его «двуногим» и воспитать сына-наследника. Одно было связано с другим. Имя волка не исчерпывало его сути. В повести есть сцены, демонстрирующие метаморфозы Хромого Дьявола. Наблюдая за волчатами Рваного Уха, играя с одним из них, он вдруг становился трепетно-нежным, заботливым, мягким, сентиментальным. Мечта об «отцовском счастье» реализовалась. Украденный с риском для жизни щенок стал сыном Хромого Дьявола. Уже «почти слепой, лишенный зубов и чутья», он водил сына по местам «прежней жизни», передавая «в наследство <...> свою землю <...> и ненависть к сильным людям» [13, с. 391, 392]. Нередко, описывая отношения между людьми разных поколений, Неркаги сравнивает их с деревьями, акцентируя, как старшее поколение держится на этой земле из последних сил, чтобы поддержать друг друга и дать вырасти молодым. И здесь в описании отношений волков подчеркивается, как слабеющий, стареющий калека-отец торопится передать свой жизненный опыт. Процесс воспитания подробно не описан, но в сценах, где показаны оба волка, когда рядом с отцом уже не щенок, а сильный, крепкий молодой сын, выделены детали ласкового заботливого отношения уже младшего к старшему. Теперь молодой волк добывал еду и кормил отца — «учителя»:

«Второй волк был стар <...>. Он сделал несколько шагов к молодому <...>; молодой подошел к нему, ткнулся носом в его шею, он ответил на ласку еле заметным движением куцевого хвоста. Потом лег на землю, где только что отдыхал молодой, и тяжело вздохнул <...>. Молодой лег рядом, и теперь контраст между ними был еще явственней <...>. Так иногда распорядится природа: поставит рядом два дерева, одно без ветвей, со сломанной верхушкой и больной корой, второе — зеленое, радостное, с неугомонным шелестом листьев» [13, с. 391].

«Отцовское счастье» и выросший сын не примирили Хромого Дьявола со своей ущербностью, лишившей его радости жизни на многие годы. Желание рассчитаться с теми, по чьей вине он лишился задней лапы, было так велико, что не давало умереть: «Эта ненависть и заставляла его жить» [13, с. 392]. В финале повести Неркаги эту ненависть к двуногим волки выплеснули сполна. Сын отомстил за отца. Два старых врага, собака Буро и Хромой Дьявол погибли в схватке. Волка положили на «нечистую» нарту, собаку — на священную. И между этими нартами метался молодой крупный волк. Он не знал, как поступить. Он не мог долго оставаться среди людей, и ему трудно было расстаться с отцом. Наблюдающему за этой сценой Алёшке «становилось жаль волка, который, видимо, остался одиноким и, может, не знал, как жить дальше» [13, с. 402]. После колебаний и раздумий он стал удаляться от стойбища, перед уходом, как показалось Алёшке, смело посмотрел на человека: «Уж не признали ли он силу человека, в то же время не унижая и свою?» [13, с. 403]. По сути, отец-калека сумел, как видим, воспитать достойного наследника, возродив в нем то, что было утрачено им самим после того, как он стал «уродом».

Особость отношений ненца с природным миром ограждает человека от скоропалительной реакции на неблагоприятные действия того или иного животного. Сначала надо попытаться понять, почему зверь так поступил, что им двигало, а поняв, принимать решение. Старики стойбища были убеждены, что Хромой Дьявол загрыз Некочи и ее маленькую дочь, но мстить волку не стали: «Это он сделал по своим законам» [13, с. 326]. Волк — «главный миссионер» в тундре. Если человек — пастух оленей, то волк — «пастух стойбищ». «Оленеводы, — пишет А. В. Головнёв, — с пониманием относятся к нуждам хищников и считают, что волки должны регулярно поедать домашних оленей, так же, как это делают сами люди» [2, с. 221]. И в финале повести человек, понимающий, насколько грозен и опасен зверь, не тронул его, а лишь выказал свое уважение и восхищение.

Образ Грехами Живущего

В повести «Илир» есть представляющий природный мир персонаж, которого возраст превратил в инвалида. Грехами Живущий — собака-пастух, немолодая, утратившая прежнюю прыть и ловкость. Пес не любит людей, ни более или менее доброжелательных по отношению к нему, ни агрессивных, пинающих ногами, бросающих в него камни. Но более всего он «ненавидел хозяина», который платил ему тем же. Однажды собака не справилась со стадом оленей и, понимая это, ждала удара от хозяина. Один из ударов арканом пришелся по глазу пса. Свидетелями сцены жесточайшей расправы были мальчики Хон и Илир. Не способный защитить Грехами Живущего, Хон подталкивал оцепеневшего от страха Илира к каким-то действиям, которые могли бы остановить обезумевшего Майму: «Беги к нему <...>. Скажи <...>. Он убьет его» [13, с. 183]. Преодолев страх, Илир, подбежав, накрыл собаку своим телом, предложив заменить собою Грехами Живущего: «Я побегу вместо Грехами Живущего» [13, с. 184].

Грехами Живущий хотел быть внутренне свободным, потому не выносил, когда его сажали на ненавистную цепь. Как и Хромой Дьявол, он посылал небу свой вой-жалобу, вой-угрозу, постепенно переходящий в «тоскливую песню». За всю свою собачью жизнь Грехами Живущий не подпускал к себе ни одного человека так близко, как подпустил сироту Илира. Оба на цепи у поганой нарты, оба изуродованы хозяином, оба одиноки. Мальчик и собака были спасением друг для друга. Неагрессивность маленького человека, говорящего псу нежные слова, обнимающего его, пробудила в старой собаке ответные родственные чувства. Он воспринимал «добрые ласковые звуки», исходившие от ребенка, как «дружелюбное урчание»: «Илир и старый пес стали жить вместе. Они делили постель <...> Делили и пищу, которую ели из медного таза <...> казалось, они во всё понимали друг друга, не объясняясь, и знают какую-то тайну, неведомую другим <...> ведут себя так, словно счастливы» [13, с. 198, 199].

В тексте подробно описана реакция собаки на потерю зрения, его ощущения, эмоции, сменяющие одна другую: удивление, ярость, ожидание боли (воспоминания детства, когда на голову щенку надевали мешок, а потом били), неуверенность, враждебность, агрессивность. В борьбе еще жившей в нем ненависти к людям и доброго отношения к мальчику победила мудрость старшего: «В последние дни Грехами Живущий держался так, будто знал, что гораздо старше и опытней Илира. Мальчик часто натыкался на его испытующий взгляд. Так смотрит мужчина на ребенка, набрасывающего аркан на разбросанные по земле оленьи рога» [13, с. 200].

Недуг не всегда сближает человека с человеком, человека и зверя, зверя со зверем. Но поведение мальчика, хорошо знающего, что такое боль физическая и моральная, растрогало дрожащую, только что ослепшую собаку: «между ними никогда еще не было такой близости, выливавшейся в нежность» [13, с. 201]. Слепота потрясла и самого Грехами Живущего, и мальчика, уговаривающего друга, что бояться нечего, надо жить, он защитит. Они хорошо понимали друг друга, изуродованный хозяином ребенок и натерпевшийся от того же хозяина ослепший пес. Недуг собаки как бы окончательно породнил их. Не случайно чуть ранее наблюдавший за странными, с его точки зрения, отношениями мальчика и собаки Майма заметил: «скоро его стал тревожить этот странный союз <...> сирота и Грехами Живущий были уж слишком едины» [13, с. 194, 199]. При описании отношений мальчика и собаки Неркаги часто использует слово «понимать». Понимание — это то, чего не хватало многим ее героям, это то, что стало основой единения маленького мальчика и собаки. Показателен в этом плане случай, когда однажды Илир пришел, упал на мох и заплакал. «Обеспокоенный» его долгим отсутствием Грехами Живущий «подковылял к мальчику, лег рядом, встревоженно взглянув, лизнул его холодную руку <...> изнывая от тоски и жалости, задрал вверх морду, и завыл» [13, с. 205].

Человек или животное при полученных разными путями по разным причинам ограничениях жизнедеятельности достаточно быстро начинают приспосабливаться к новой жизни. Так и Грехами Живущий стал общаться с миром

исключительно через слух. Он хорошо различал шорохи и шумы, безошибочно узнавая шаги, запах, дыхание, скрип лыж Илира. Времяисчисление обрело иные формы: не смена дня и ночи, а приход и уход маленького доброго человека. Частью жизни Грехами Живущего, как и Хромого Дьявола, стали воспоминания о том времени, когда он не был слеп. Их немного, но к ним возвращали запахи, например, дыма, что побуждало к воспоминаниям об огне, костре.

Образ Варнэ

В повести «Илир» есть героиня, которую также можно причислить к инвалидам. Ее физическая ущербность не природного, генетического происхождения, не результат воздействия извне кого-либо или чего-либо. Свой недуг она выбрала сама добровольно и осознанно. Речь идет о Варнэ, предстающей перед читателем и другими персонажами то сумасшедшей, то здоровой. В начале повести она представлена как сумасшедшая старуха, бродящая по стойбищу ночью. То, что она делает («со злостью плюнула на шкуру, лежащую поверх нарты с идолами»; «переступила через хорей»; «три раза перешагнула через упряжь» ездовой нарты, через охотничьи снасти; погрозила кулаком чуме Маймы [13, с. 143]), свидетельствует о том, что она осознает смысл своих поступков. Каждый шаг или жест сопровождается словесным проклятием в адрес того, кого она считает своим врагом. Она желает ему «черной болезни», обезноживания оленей во время долгого пути, неудачи на охоте, нападения на него злого хищника, который изуродует его. Обряд, который совершает Варнэ, направлен на уничтожение обидчика.

«По ненецкой традиции, — пишет А. В. Головнев, — женщина не должна перешагивать через аркан, хорей, мужскую одежду, оружие, орудия промысла, упряжь, пересекать путь идущему аргишу. <...> Если женщина желает навредить мужчине, она злонамеренно перешагивает через его вещи (прежде всего шест-хорей) <...> женщине, наделенной свойством рожать, принадлежит и способность умерщвлять» [2, с. 213, 214].

Автор не предлагает читателю задать и ответить на вопрос больна ли героиня. В тексте есть комментарий повествователя к ее поведению: «старая женщина вздрагивала от дум. Весь день уходил у нее на кривляния, а ночью, когда всё живое засыпало <...> можно было расслабиться, стать собою» [13, с. 143]. Подозрение, что героиня вполне здорова и лишь играет роль сумасшедшей, возникает, когда она единственная посочувствовала горю Илира, подбодрила его, разговаривая с умным и понимающим ребенком, как «с равным». Она, разведя огонь в его опустевшем чуме, позвала мальчика, чтобы сказать ему особые слова о жизни, доме, смерти отца, чтобы посоветовать ему взять уголек из родного очага, который бы защищал и оберегал Илира.

Размышления Варнэ связаны либо с тем, как много на земле злых людей, напоминающих обоюдоострый нож, либо с воспоминаниями о своем прошлом, когда был свой дом, отец, мать, когда казалось, что можно в этой жизни быть

счастливой. Но счастья не случилось. Начало истории («Давным-давно, когда ее звали еще Едэйне» [13, с. 144]) и отдельные детали (например, неприятный скрип в основании шеста — голос Харбцо, забирающего у людей рассудок) отсылают к мифологии и фольклору ненцев. К тому же история Едэйне-Варнэ связана с метаморфозой (женщина-птица), часто встречаемой в мифах, сказках, легендах, преданиях ненцев. Трагическая гибель отца, скорая смерть матери, понимание того, что счастливой жизни не будет, мотивировали желание Едэйне добровольно отдать Харбцо свой рассудок. Он понял желание женщины, но рассудок у нее не отнял. Тогда и пришла героине мысль изобразить сумасшедшую, что облегчило бы ей жизнь.

Сумасшедшая — значит больная, неадекватная, не контролирующая свои поступки, действия, слова. Но если это мнимое сумасшествие, тогда можно говорить, что думаешь, даже если никто не примет твои слова всерьез. Однако, чтобы никто не усомнился в том, что перед ним сумасшедшая, выглядеть надо тоже соответствующим образом. Это обратимое превращение *здоровая — больная* часто акцентируется в тексте как раз через внешние метаморфозы героини. Она выглядела порой страшной старухой: «скрюченные», кривые, черные пальцы, рваная ягушка, гильзы на концах шапки, неприбранные грязные волосы, «дряхлая», «облезлая», «засаленная» одежка, издаваемые ею странные звуки, взмахи рук, похожие на хлопанье крыльев, резкие «вороватые», необъяснимые движения, таинственный вид, хищный блеск глаз, непонятный шепот, взрывной пугающий хохот, визгливое вскрикивание, дрыгание ногами, кривляние, карканье и т. д. — всё свидетельствовало о безумии героини. Но спокойно-рассудительный разговор с осиротевшим Илиром, советы, которые Варнэ давала мальчику, повторяемая гостям фраза «Я не сумасшедшая <...> я в своем уме» [13, с. 160], просветленный, чистый, помолодевший, не имеющий конца взгляд Варнэ — всё это свидетельствовало о здоровом уме женщины, признающей в том, что хотела отдать Харбцо свой разум, но он не взял. Одинокая скорбная фигура старой женщины в покинутом всеми стойбище олицетворяет и скорбь по прошедшему, его значительная часть была прожита в обличье потерявшего разум человека, при этом должно было хватать разума контролировать себя, чтобы не разрушить роль, олицетворяет и надежду на новую жизнь, которую сулила красная нарта.

Заключение

Только подход к ненецкой литературе с позиций современной исторической поэтики позволяет объяснить механизм самовосстановления отклонившейся от физической нормы субстантивности персонажа и выживания его в этносе как самодостаточного по природной внутренней силе существа.

Языческое мирочувствование Анны Неркаги, приведшее ее после четырех повестей к прозе 2000-2010-х гг. [4, с. 77-81; 19], и опора культуры ее письма на специфику синкретической и традиционалистской (в первой фазе) стадии развития словесности требуют прямой и внешней мотивировки событийного

упорядочивания персонажа, проживающего в состоянии физической ненормы, но восходящего к компенсирующему финалу равновесия с собой и этносом.

Прозаик исходит из высшей распределенности природной силы в этносе, имеющей внесоциальную мифосинкретическую основу и направленной на упорядочивание хаоса. Это самовосстановление упорядоченности авторского космоса в условиях 1970-1990-х гг., т. е. в условиях кризиса советской цивилизации и ее перехода к новым основаниям устойчивости [17, 18], требовало и от Анны Неркаги некоего аналогичного механизма объективации внутреннего процесса расслоения мироощущения на советское/ненецкое через создание традиционной поэтики (персонажи — сюжет — повествование). При этом собственно ненецкое (языческое) заставляло автора структуру первых двух звеньев этой цепи (персонаж — сюжет) наполнять субстантивной заряженностью на уход от ненормы. 2000-2010-е гг., породив в сознании Анны Неркаги новые императивы художественной стратегии (опору на связку «повествование — субъект речи») [19], отменили прежние механизмы выражения ненормы, сделали субъекта речи носителем субстантивного языческого порядка и вывели инвалидность как знак временного хаоса за границы этнонационального мироощущения и этнотерпимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 302 с.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
3. Комаров С. А. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. 200 с.
4. Комаров С. А. Проблема «цивилизационный вызов/правильный ответ» и художественная словесность малочисленных народов севера Сибири: случай А. П. Неркаги / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72
5. Комаров С. А. Проза А. Неркаги в контексте русскоязычной культуры последней трети XX века / С. А. Комаров, Н. С. Кузнецова, О. К. Лагунова, Е. Л. Юдинцева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 320 с.
6. Кукарский А. С войны / А. Кукарский // Отцы и дети Великой Победы: Хрестоматия писателей Тюменского края / Сост. С. А. Комаров. Тюмень: Общество русской культуры, 2020. С. 216-217.
7. Куляпин А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. М.: Языки славянской культуры, 2013. 239 с.

8. Лагунов К. Я. Так было: Роман / К. Я. Лагунов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986. 400 с.
9. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. М.: Худ. литература, 1976. Т. 4. 542 с.
10. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Т. Лехтисало. Томск: Издательство Томского государственного университета, 1998. 136 с.
11. Межиров А. Музыка / А. Межиров // «...Это в сердце было моим»: Страницы советской поэзии. М.: Советская Россия, 1988. С. 272.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1976. 407 с.
13. Неркаги А. П. Молчащий: повести / А. П. Неркаги. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 416 с.
14. Неркаги А. П. Собрание сочинений в 2 т. / А. П. Неркаги. Тюмень: Русская неделя, 2017. Т. 2. 434 с.
15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1995. 928 с.
16. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Б. Л. Пастернак. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. 368 с.
17. Проза А. П. Неркаги 1970-х годов с комментариями: «Анико из рода Ного», «Илир». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 374 с.
18. Проза А. П. Неркаги 1980-1990-х годов с комментариями: «Белый ягель», «Молчащий». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. 312 с.
19. Проза А. П. Неркаги 2000-2010-х годов с комментариями: «Мудрые мысли ненецкого народа», «Песнь Творцу». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2020. 280 с.
20. Розов В. С. Собрание сочинений: В 3 т. / В. С. Розов. М.: «Олимп-Пресс», 2001. Т. 1. 510 с.
21. Сонтаг С. Болезнь как метафора / С. Сонтаг. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 176 с.
22. Трубецкова Е. Г. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века / Е. Г. Трубецкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 304 с.

Olga Konstantinovna LAGUNOVA¹
Victoria Valerievna MARKOVA²

UDC 82.09(571.121)

**PHYSICAL ABNORMALITY AS A MEASURE OF NATURAL
AND SOCIAL ORDER IN THE STORIES OF THE NENETS WRITER
A. P. NERKAGI: TO THE SPECIFICITY OF ETHNO-PATIENCE**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Dr. Sci. (Philol), Professor,
Russian and Foreign Literature Department, University of Tyumen
eleshenka@yandex.ru

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Journalism Department,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru

Abstract

This article systematically describes the phenomenon of deviation from the physical norm in four stories by the Russian-speaking Nenets prose writer Anna Nerkagi. The authors consider the image subject from the following positions in this work: 1) as an element of ontological thinking by an outstanding representative of the indigenous peoples of Russia; 2) as a tool for testing and restoring the norm/order; 3) as a mechanism associated with the reliance of the Nenets literature on the syncretic and traditionalist stages of the literary development. In this article, the authors identify problem-thematic analogues of the abnormality phenomenon in the regional context, which act as indirect and direct impulses in relation to Nerkagi's prose or as close comparative material for it. The systematic nature of the description shows the difference in the options for depicting ethno-tolerance in the national cultures of Russia and, on this basis, reflects their specificity in line of the humanities concepts.

This article has been written as part of the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia and continues a comprehensive study of A. Nerkagi's prose, a multiple nominee for

Citation: Lagunova O. K., Markova V. V. 2022. "Physical abnormality as a measure of natural and social order in the stories of the nenets writer A. P. Nerkagi: to the specificity of ethno-patience". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 61-78. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

the Nobel Prize in Literature. This study was started with a collective monograph about her and a three-volume edition of her prose from the 1970s-2010s with scientific comments. Anna Nerkaghi, initiated into the mysteries of her people's existence of her people and speaking on their behalf, uses the course of fictional events to fix the self-restoration of the main character's existential substance as a natural-pagan principle, which constitutes the fate of the character and ensures that they are equal to their fate and place in the ethnic group.

Keywords

Small indigenous peoples of Russia, Nenets literature, Anna Nerkagi, abnormality, order, ontology, historical poetics.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-61-78

REFERENCES

1. Aipin E. D. 2002. *Mother of God in Bloody Snows*. Ekaterinburg: Pakrus. 302 pp. [In Russian]
2. Golovnev A. V. 1995. *Speaking Cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Yekaterinburg: UrO RAN. 606 p. [In Russian]
3. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2016. *Literature of Siberia: Mission, Ethnicity, Axiology*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 200 pp. [In Russian]
4. Komarov S. A., Lagunova O. K. 2021. "The 'Civilizational Challenge/Correct Response' Problem and the Artistic Literature of the Small-Numbered Peoples of the Siberian North: The Case of A. P. Nerkagi". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 7, no. 3 (27), pp. 57-72. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-3-57-72 [In Russian]
5. Komarov S. A., Kuznetsova N. S., Lagunova O. K., Yudintsev E. L. 2019. *Prose of A. Nerkagi in the Context of the Russian-Speaking Culture of the Last Third of the 20th Century*. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 320 pp. [In Russian]
6. Kukarsky A. 2020. "From the war". In: Komarov S. A. (ed.). *Fathers and Children of the Great Victory: Reader of Writers of the Tyumen Region*, pp. 216-217. Tyumen: Obshchestvo russkoy kultury. [In Russian]
7. Kulyapin A. I., Skubach O. A. 2013. *The Mythology of Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 239 pp. [In Russian]
8. Lagunov K. Ya. 1986. *So It Was: A Novel*. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo. 400 pp. [In Russian]
9. Lermontov M. Yu. 1976. *Collected Works in 4 vols. Vol. 4*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 542 pp. [In Russian]
10. Lekhtisalo T. 1998. *Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nentsy)*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University. 136 pp. [In Russian]
11. Mezhirov A. 1988. "Music". In: "... It Was in My Heart": *Pages of Soviet Poetry*, p. 272. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [In Russian]

12. Meletinsky E. M. 1976. Poetics of Myth. Moscow: Nauka. 407 pp. [In Russian]
13. Nerkagi A. P. 1996. Silent: Stories. Tyumen: SoftDesign. 416 pp. [In Russian]
14. Nerkagi A. P. 2017. Collected Works in 2 vols. Vol. 2. Tyumen: Russkaya nedelya. 434 pp. [In Russian]
15. Ozhegov S. I., Shwedova N. Yu. 1995, Dictionary of the Russian Language. Moscow: Az. 928 pp. [In Russian]
16. Pasternak B. L. 1990 Poems and Poems in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sovetsky pisatel. 368 pp. [In Russian]
17. A. P. Nerkagi's Prose of the 1970s with comments: "Aniko from the Nogo clan", "Ilir". 2019. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University. 374 pp. [In Russian]
18. A. P. Nerkagi's Prose of the 1980s-1990s with comments: "White reindeer moss", "Silent". Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2019. 312 p. [In Russian]
19. A. P. Nerkagi's Prose of the 2000s-2010s with comments: "Wise thoughts of the Nenets people", "Song to the Creator". Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2020. 280 pp. [In Russian]
20. Rozov V. S. 2001. Collected Works in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Olimp-Press. 510 pp. [In Russian]
21. Sontag S. 2016. Disease as a Metaphor . Moscow: Ad Marginem Press. 176 pp. [In Russian]
22. Trubetskova E. G. 2019. "New Vision": Illness as a Method of Estrangement in Russian Literature of the 20th Century. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie. 304 pp. [In Russian]